

М. Н. Сперанский

БЫЛИНЫ

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Н. Сперанский**
Былины: Том 1 / М. Н. Сперанский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
551 с.

ISBN 978-5-517-98657-3

Русская устная словесность.
Былины.
Том 1

ISBN 978-5-517-98657-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ныхъ ея свойствъ во имя западной, космополитической культуры; иначе сказать: исходя изъ яснаго отличія европейской культуры интеллигентныхъ классовъ отъ малокультурности низшихъ, изслѣдователи-народники дошли до противоположенія европейской культуры и русской, той, которую они находили у „народа“, простонародья, въ его словесности и бытѣ; поэтому-то въ этихъ послѣднихъ они искали и, казалось, находили главный источникъ для уясненія идеи народности, въ частности русской, при чемъ, естественно, симпатіи ихъ должны были быть на сторонѣ этой „народной“ культуры; если культура передовыхъ слоевъ общества была въ ихъ глазахъ чужой, лишь взятой—и то сравнительно недавно—съ запада, не народной, не оригинальной, то та, которая противоположна ей, будетъ, заключали они, и народна, и самобытна и древня, какъ учили о томъ и теоріи народности. Это противоположеніе, признаніе идейнаго преимущества культуры классовъ, якобы менѣе подвергшихся (или даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вовсе избѣгшихъ) вліянію чужой и чуждой (собственно западной) культуры, построенное такимъ апіористическимъ путемъ, и послужило отправной точкой для дальнѣйшей разработки идеи народности въ русской жизни и дальнѣйшаго освѣщенія „народной“ словесности, какъ главнаго источника для ознакомленія съ этой идеей. Опираясь, т.-о., на романтическія научно-поэтическія построенія западныхъ же (главн. обр. нѣмецкихъ) изслѣдователей народности и присоединяя сюда и начавшійся интересъ къ исторіи своего прошлаго, разсматриваемаго подъ угломъ зрѣнія на самобытность, какъ основу идеи народности, наши „народники“ и въ литературѣ искали выраженія, подтвержденія своихъ теоретическихъ построеній, не замѣчая неправильности, допущенной при первомъ же шагѣ, и все болѣе и болѣе уклоняясь отъ правильнаго, объективнаго отношенія къ самой идеѣ народности: увлекаемые искреннимъ чувствомъ любви къ своей народности, они старались защитить ее отъ скептическихъ взглядовъ „западниковъ“ и „космополитовъ“.

По мѣрѣ ознакомленія со старинной русской письменной ли-

тературой, которое шло одновременно съ собираніемъ матеріаловъ по „народной“ словесности (путемъ записей пѣсень, сказокъ, дѣлавшихся цѣлой группой любителей, главнымъ образомъ съ П. В. Кирѣевскимъ во главѣ, начиная съ 30-хъ гг.), привлекалась и эта старинная литература въ качествѣ элемента сравненія при изслѣдованіи народности въ русской литературѣ въ ея прошломъ и настоящемъ: это параллельное изученіе, открывшее прежде всего несамостоятельный характеръ нашей письменности, восходящей въ своемъ содержаніи, правда, не къ западно-европейскому, столь несимпатичному для народниковъ-славянофиловъ источнику, а къ византійско-восточному, способствовало дальнѣйшему еще болѣе категоричному утверженію за „народной“ словесностью чуть не исключительныхъ правъ на роль истинной выразительницы чистой самобытной народности не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ и весьма отдаленномъ: такъ мало, казалось, имѣеть общаго „народная“ словесность, съ полныя поэзіи сказки, пѣсни, волшебное, фантастическое содержаніе, лирическое настроеніе съ строгой исключительно христіанско-церковной литературой X-го и слѣдующихъ вѣковъ, цѣликомъ или заимствованной изъ Византіи или ей подражавшей (такъ думали тогда о нашей древней письменности, еще недостаточно извѣстной и еще менѣе освѣщенной научно); а приложеніе къ даннымъ устно-народной словесности сравнительнаго метода языкознанія съ его необычайными открытіями въ области древнѣйшей, доисторической исторіи языка и языковъ, вело къ представленію о народной словесности, какъ памятникѣ, до нашихъ дней сохранившемъ въ свѣжести отзвуки доисторическихъ возрѣній чистой народности, еще не подвергшейся какому-либо воздействию со стороны, а потому самобытной и глубоко древней по происхожденію. Это сопоставленіе устно-народной словесности со старинной письменностью невольно для сторонниковъ и поборниковъ народности было не въ пользу письменной, хотя и старой, христіанской, русской же литературы: въ ней не находили выраженія нашей народности (которая должна быть самобытна,

не могла жить заимствованіями); она была слишкомъ молода сравнительно съ устно-народной, уходящей своими корнями въ сѣдую индо-европейскую старину. Отсюда новая аптитеза: устная словесность, самобытная, народная—и книжная, письменная, не самобытная, заимствованная и не народная. Такимъ путемъ получился терминъ: „народная“ (или устно-народная) словесность; иначе: это—та русская словесность, которая самобытна, древня, древнѣе письменной, которая сохранилась въ устахъ народа, т.-е. въ той части русскаго народа, которую мы зовемъ „простонародьемъ“, отличая эту часть русскаго общества отъ другой—интеллигентной, образованной на европейскій ладъ или унаслѣдовавшей греко-византийскую культуру въ прошломъ и теперь смѣнившей ее на общезападно-европейскую. Такое представленіе объ устно-народной словесности, такая оцѣнка ея значенія для исторіи нашей народности возможна была только до тѣхъ поръ, пока научное ея изученіе не было свободно отъ увлеченія, отъ чуждой наукѣ предвзятости, стремленія доказать самобытность содержанія этой литературы; такое представленіе нужно было для самосознанія и самоудовлетворенія искренняго, но все же настроеннаго не объективно, любителя своей народности. Но уже между самими горячими изслѣдователями народности, при ихъ крайнемъ усердіи и желаніи видѣть вездѣ, во всемъ, что связано съ „народомъ“, съ его бытомъ и литературой, глубокою древность, самобытность, мы встречаемъ также людей, подготовлявшихъ для науки болѣе ей соотвѣтствующій путь объективнаго изслѣдованія народно-устной литературы, отнюдь при томъ не исключавшіи любви къ народности, не требующіи отказа отъ признанія ея научной и художественной цѣнности. Тотъ же Ѡ. И. Буслаевъ, которому такъ много обязаны поклонники идеи народности, въ 50-хъ гг. взялъ подъ свое покровительство нашу старинную письменность, указавъ, что и въ ней слѣдуетъ искать выраженія народности, несмотря на ея „несамобытный“ характеръ, что „устная“ и „письменная“ словесность находилась и находятся въ общеніи между собою, какъ части одной общей русскои словесности, взятой во всемъ ея объемѣ, хотя въ

различныхъ своихъ частяхъ дающей различный матеріаль для сужденія о русской народности. Онъ же указаль на необходимость изъ уваженія къ самой народности объективнаго изученія матеріала, представляемаго литературой, какъ устной, такъ и письменной; это изученіе должно покоиться на выводахъ изъ данныхъ, вытекающихъ изъ самого матеріала, а не можетъ ставить себѣ цѣлью анализъ матеріала для подтвержденія апріорнаго положенія.

Выдвинувшаяся какъ разъ въ это же время, въ 50-хъ гг. прошлаго столѣтія, историко-сравнительная школа, исходящая изъ идеи историческаго взаимообщенія народностей и культуръ, въ частности съ теоріей заимствованія сюжетовъ, теоріей странствующихъ повѣстей, будучи перенесена съ запада и на русскую почву, въ значительной степени способствовала уясненію того, что представляетъ собой доступная теперь нашему изученію такъ наз. народная словесность: она въ томъ видѣ, какъ мы ее застали въ устахъ народныхъ (лучше сказать: простонародныхъ) массъ, есть результатъ длительного историческаго развитія элементовъ разнообразныхъ по характеру, по своему прошлому, по своему происхожденію; она отразила на себѣ въ видѣ переживаній цѣлый рядъ эпохъ и различныхъ историческихъ условій, пережитыхъ данной народностью. Поэтому говорить о большей или меньшей древности устной словесности в о о б щ е, въ ея цѣломъ, сравнительно съ письменной, теперь уже нельзя: приходится изучать и устанавливать историческія вѣхи каждаго произведенія устной словесности или группы ихъ, какъ это мы дѣлаемъ и въ области письменной литературы; въ отношеніи своего развитія и устная словесность въ значительной степени подчинена тѣмъ же общимъ законамъ литературнаго творчества, что и всѣ другія отрасли литературы, хотя она и имѣетъ своеобразія, ей по преимуществу присущія отличія, которыя обусловливаются особенностями ея жизни въ прошломъ. Только въ силу этого послѣдняго обстоятельства мы и имѣемъ право говорить объ устной словесности, какъ объ отдѣльной, своеобразной области творчества.

Самой крупной характерной чертой, отличающей устную сло-

весность отъ остальной, надо счесть именно то, что она устная; это значитъ, что главнымъ средствомъ выраженія, сохраненія и развитія ея является живое слово, живая рѣчь, въ отличіе отъ письма, служащаго для тѣхъ же цѣлей остальной литературѣ; устное произведеніе сказывается, поется, письменное — пишется, читается; поэтому средствомъ сохраненія устнаго произведенія является главнымъ образомъ память, а не внѣшній способъ — письмо, какъ для остальной литературы. Изъ этихъ особенностей устной литературы въ значительной степени получаютъ свое объясненіе и ея содержаніе, ограниченное предѣлами памяти, и ея форма, наиболѣе приспособленная къ храненію произведенія памятью, именно, преимущественно ритмическая, иногда музыкально-ритмическая, стихотворная, и ея поэтика въ общемъ, въ частности тѣ средства, которыми достигается, при поэтичности содержанія, художественность и формы. Изъ этого же условія — „устности“ поэзій — вытекаютъ и другія особенности подобныхъ произведеній: ихъ большая, сравнительно съ письменной литературой, измѣнчивость въ отношеніи къ самому тексту (выработка вариантовъ), профессионализмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ носителей этой поэзій, тѣсная связь съ бытомъ въ другихъ, наконецъ, самое существованіе этой поэзій въ однихъ или исчезновеніе ея въ другихъ мѣстностяхъ. Наконецъ, въ связи съ этой „устностью“, какъ не только формальной чертой этой литературы, но и чертой историческо-культурной, стоитъ и „народность“ въ этой устной поэзій.

II.

Болѣе внимательное ознакомленіе съ формальными особенностями и содержаніемъ устной поэзій, именно, въ связи съ ея характерной чертой — „устностью“ — въ значительной степени должно приблизить насъ къ наиболѣе правильному освѣщенію и самой исторіи устной словесности, насколько она до сихъ поръ служила предметомъ изученія историковъ литературы. При этомъ далеко не бесполезнымъ для такой цѣли представляется ознако-

мленіе, хотя бы въ главнѣйшихъ моментахъ, съ исторіей самого изученія устной русской словесности: результаты, добытые въ различное время прежде, служили отправной точкой для послѣдующаго времени, или подвергаясь углубленію и расширенію, или становясь предметомъ спора и отрицанія, и т. о. открывая новыя точки зрѣнія, новыя перспективы. Быстрая смѣна направленій въ изученіи намятниковъ устной словесности тѣмъ болѣе интересна, что она, касаясь косвенно одного изъ крупнѣйшихъ вопросовъ нашей культурной жизни и общественной мысли XIX в.— народности—, не только укажетъ мѣсто изученій устной литературы въ ряду другихъ областей современнаго умственнаго движенія русскаго общества, но до извѣстной степени отмѣтитъ собой и смѣну самихъ этихъ теченій мысли въ самомъ русскомъ обществѣ, не говоря уже о томъ, что эта исторія изученія устной словесности чрезвычайно характерна и для самой исторіи русской литературы вообще.

Серьезный интересъ къ устной „народной“ словесности, къ ея изученію можно считать прочно намѣтившимся только съ конца 20-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Былъ къ ней интересъ, правда, и до этого времени—со второй половины XVIII ст.; но интересъ этотъ далекъ былъ отъ научнаго: послѣ пренебрежительнаго къ себѣ отношенія, какъ къ ничтожной по содержанію, не художественной по формѣ и „подлой“ (въ смыслѣ простонародной) по происхожденію, не оправдывающей своего права на существованіе правилами аристократической французско-классической словесности, во второй половинѣ XVIII в. устная поэзія наравнѣ со старинной письменной XVII в. начинаетъ пользоваться уже снисходительнымъ вниманіемъ, но лишь въ качествѣ матеріала, болѣе близкаго обыденному читателю даже изъ интеллигентныхъ, матеріала, годнаго для освѣженія наскучившаго, черезчуръ уже чуждаго содержанія переводной и подражательной псевдоклассической литературы; но этотъ матеріалъ устной словесности такъ и остается только матеріаломъ, не получая самостоятельной цѣнности и значенія въ глазахъ литературнаго человѣка XVIII в.:

И. О. Богдановичъ, перерабатывая Лафонтеновскую обработку Апулесевой повѣсти въ свою извѣстную „Душеньку“ и оставляя въ неприкосновенности содержаніе оригинала, сажаетъ на Олимпѣ греческихъ мнѳическихъ боговъ и Бабу-Ягу и Змѣя Горыныча изъ устной сказки, совершенно не видя въ этомъ неловкости: и то и другое — для него мнѳологія, мнѳологія вообще, а не той или иной народности; онъ же, собирая русскія народныя пословицы, понимаетъ ихъ, какъ изреченія, сентенціи, которыя въ качествѣ мудрыхъ мыслей, изложенныхъ въ стихотворномъ дистихѣ или тристихѣ (напр., Солона), давала ему та же французская классическая литература: и онъ, удаливъ изъ нихъ „грубость“ въ содержаніи и неискusstво въ формѣ, даетъ ихъ въ стихахъ съ римой. Въ 70-хъ гг. того же столѣтія Чулковъ, уже нѣсколько болѣе проникшійся интересомъ къ русскому, какъ къ такому, отчасти движеніемъ къ старинѣ, прошлому, печатаетъ подлинныя народныя пѣсни, но въ то же время создаетъ свои сборники сказокъ, въ родѣ „Пересмѣшника, или сказокъ словенскихъ“: подражая въ общемъ западно-европейскому любовно-рыцарскому роману приключеній, романамъ Аріоста, французскимъ галантнымъ передѣльвателямъ въ „хорошемъ тонѣ“ сказокъ (въ родѣ Перро, m-me Aulnoy и др.), „волшебнымъ“ сказкамъ и т. д., черпаетъ для своихъ разсказовъ довольно обильно матеріалъ изъ устной сказки или былины, немилосердно передѣлывая ихъ примѣнительно къ тому же содержанію волшебной и рыцарской повѣсти. Но здѣсь уже видны зачатки того воззрѣнія на устную словесность, какъ не только простонародную, но и народную въ томъ смыслѣ, какъ это понимали въ XIX в. русскіе романтики-народники. Такое же пониманіе уже яснѣе сквозитъ въ изданіяхъ Н. И. Новикова, именно: въ его „Пѣсенникѣ“ (въ общемъ, однако, представляющемъ передѣлку, отчасти перепечатку „Пѣсенника“ Чулкова), еще болѣе въ его „Россійской вивлюэнкѣ“. Это показало, что въ 80-хъ гг. XVIII ст. интересъ къ своей народности въ передовомъ обществѣ—уже падлицо. Дѣло проясненія вкусовъ въ этомъ направленіи довершили патріотическія движенія,

достигнїи своего высшаго напряженїя въ эпоху Отечественной войны, а затѣмъ романтизмъ, принесшїи намъ и новыи интересъ къ народности и самое ученїе о народности. Въ 1806 году выходитъ въ печати первый сборникъ подлинныхъ пѣсень Кириши Данилова (рукописная запись былинъ, вѣроятно, западно-сибирскихъ, сдѣланная въ концѣ 60-хъ гг. XVIII в.): это была, правда, лишь выборка того, что могло быть интересно среднему читателю, при томъ то, что не шло въ разрѣзъ съ его вкусомъ, воспитанными на французско-классической условной эстетикѣ. А въ 1818 году появляется изданїе пѣсень того же Кириши, сдѣланное по указанїю гр. Н. П. Румянцова К. Θ. Калайдовичемъ; это было первое изданїе, устанавливающее новую, на этотъ разъ уже научную, историческую точку зрѣнїя на произведенїя устной словесности. Приблизительно въ то же время начинаются и первыя попытки собранїя и записыванїя произведенїй народно-устной словесности съ научной цѣлью: таково было небольшое изданїе (1819 г.) малорусскихъ пѣсень, сдѣланное кн. Н. А. Цертелевымъ, за которымъ слѣдуютъ другїя, касающїяся также преимущественно малорусской устной словесности (каково, напр., М. А. Максимовича, 1827 г.). Энергичное собранїе народно-устнаго матеріала великорусскаго начинается немного позднѣе—въ началѣ 30-хъ годовъ: это—преимущественно народная пѣсня, собираемая очень усердно П. В. Кирѣевскимъ и его кружкомъ (Даль, Шевыревъ, Погодинъ, Снегиревъ, П. Якушкинъ, кн. Костровъ, Кузьмищевъ, братья Языковы, Пункинъ и др.). Но опубликованїе собираемаго матеріала идетъ съ чрезвычайными затрудненїями: суровый Николаевскїй режимъ съ его „официальной“ народностью и многэтажными цензурами видитъ для себя опасность въ подлинной народности и выраженїи ея въ устной словесности. Тѣмъ не менѣе въ 30-хъ гг. начинается и научная разработка памятниковъ устной словесности: начало было положено перенесенїемъ къ намъ новыхъ научныхъ методовъ изученїя словесности, разработанныхъ главнымъ образомъ романтической школой ученыхъ въ Германїи съ бр. Гриммами во главѣ; у насъ главнымъ пред-

ставителемъ этого направленія изученія народности въ ея отраженіи въ устной словесности былъ *Θ. И. Буслаевъ*, горячій поклонникъ идеи народности и въ то же время крупный представитель сравнительнаго изученія быта и поэзіи. Онъ и въ особенности его младшіе современники старались привить у насъ такъ называемое „мнѣологическое“ толкованіе памятниковъ устной словесности, находя въ нихъ выразніе древнихъ общендоевропейскихъ религіозныхъ вѣрованій людей первобытной культуры, возводя т. о. первоначальныя основы нашей народной поэзіи къ доисторической древности, а въ дошедшей до насъ устнымъ путемъ поэзіи отыскивая лишь затемненную, но путемъ сравнительнаго анализа безъ большого труда вскрываемую „мнѣологию природы“, видя въ герояхъ современной народной сказки и былины образы древнихъ боговъ — силы природы, а въ разсказахъ о нихъ — мнѣы, изображающіе отношеніе этихъ силъ природы между собой и къ человѣку. Получалась красивая, поэтичная картина жизни первобытнаго человѣка, стройная, какъ будто полная, самобытная и исторически якобы правдивая. Эта картина казалась вполне соответствующей уровню той массы, которая сберегла для насъ это наслѣдіе самобытности и народности, такъ бережно, такъ устойчиво защищая его (правда, безсознательно), отъ иноземныхъ чуждыхъ вліяній и искаженій. Ясно, что созданіе такого представленія о народной словесности поддерживалось той идеализаціей современнаго и прошлаго быта темной безправной массы низшихъ и среднихъ классовъ русскаго общества, которой увлекались тогдашніе „народолюбцы“; это въ свою очередь поддерживало то приподнятое настроеніе, которое ярко сказывается даже въ стилѣ писаній у изслѣдователей-народниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ романтиковъ-идеалистовъ. Съ другой стороны, эта мнѣологическая школа уже а priori должна была допустить цѣлый рядъ также а prioriныхъ положеній: необычайную устойчивость древнѣйшей традиціи и сравнительно слабое воспріятіе позднѣйшей традиціи въ духовной организаціи народной массы, исключительную устойчивость быта и соединенныхъ съ нимъ воззрѣній, безсозна-

тельное сохраненіе самобытности и такое же бессознательное противодѣйствіе стороннимъ вліяніямъ, исключительную простоту первобытнаго строя жизни и т. д., словомъ: цѣлый рядъ условностей, вытекавшихъ изъ принятаго на вѣру положенія, преобладаніе дедукціи надъ индукціей. Это-то и сгубило эту теорію: она, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе оправдывалась въ своихъ построеніяхъ вновь открываемымъ и вводимымъ въ изученіе матеріаломъ, требующимъ (и дѣйствительно подвергавшимся) историко-культурнаго анализа, не укладывавшимся въ рамки, выработанныя мнѳологами, несмотря на широту (болѣе идейную, нежели фактическую) этихъ рамокъ.

Такъ было въ западной наукѣ, давшей намъ мнѳологическую школу, такъ вышло и у насъ.

Результатомъ дѣятельности романтиковъ-народниковъ былъ во всякомъ случаѣ значительно повысившійся интересъ къ изученію „народной“ жизни, „народнаго“ міросозерцанія, „народной“ поэзіи въ особенности. Не создавъ прочныхъ, долговѣчныхъ взглядовъ на эту поэзію въ историческомъ отношеніи, дѣятели этой эпохи, движимые прежде всего искренней любовью къ этой поэзіи, оставили слѣдующему поколѣнію ученыхъ крупное наслѣдіе въ видѣ огромнаго запаса матеріала, собиравшагося ими, лично и черезъ другихъ, непосредственно изъ устъ носителей и хранителей этой поэзіи. Помимо трудовъ упомянутыхъ собирателей 20-хъ и 30-хъ гг., мы, благодаря изслѣдователямъ-романтикамъ, владѣемъ цѣлымъ рядомъ собраній, изданныхъ въ значительной степени къ концу 60-хъ гг. прошлаго вѣка и, чѣмъ позднѣе, все выше и выше поднимающихся въ смыслѣ научной цѣнности матеріала; таковы: „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ“, изданныя Обществомъ Любителей Россійской Словесности подъ ред. П. Безсонова, „Калѣнки перехожіе“, собранныя тѣмъ же Кирѣевскимъ и изданныя тѣмъ же Обществомъ, „Русскія сказки“ А. Н. Аванасьева, собраніе былинъ П. Н. Рыбникова, огромное подобное же собраніе А. Ф. Гильфердинга, мастерски выполненное, и мн. др. Усовершенствовались въ трудахъ старой школы и методы изученія